

Аркадий Аверченко

Одесские рассказы

**Одесса
«Інга»
2002**

УДК 821.161.1'06-323.1(0.045)

ББК 84(4Рус)521-445

А19

Блискучий у своїй дотепності і майстерності володіння словом петербурзький публіцист і письменник Аркадій Аверченко був незаслужено забутий у радянський період російської літератури. Пропоноване видання відтворює в сучасній орфографії невелику книжку автора, видану як додаток до відомого на початку ХХ століття гумористичному журналу "Сатирикон" у 1911 році. Розповіді, що тут містяться, з тонким гумором, а часом і з іронією, відображають життя Одеси початку 900-х років. Читач може переконатися в актуальності описаних подій і неповторної своєрідності героїв.

Цілком книга перевидається вперше.

ISBN 966-96037-4-9

А 4702080101
2002

© Дроздовський А.О., 2002

© МПП фірма «Інга», 2002

**ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА “САТИРИКОНА”**

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

ОДЕССА

ОДЕССКОЕ ДѢЛО

КОСТЯ ЗИБЕРОВЪ

ОДИНЪ ГОРОДЪ

ЗАПИСКИ МОРСКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ИЗДАНИЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1911

САТИРИКОНЪ

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА "САТИРИКОНЪ"
М.Г.КОРНФЕЛЬДА СІБ, БАССЕЙНАЯ, 3

**Посвящаю съ истинной любовью
пышной красавицѣ-Одессѣ**

Аркадій Аверченко

Огесские рассказы

Одесса

I

Однажды я спросил петербуржца:

– Как вам нравится Петербург? Он сморщил лицо в тысячу складок и обидчиво отвечал:

– Я не знаю, почему вы меня спрашиваете об этом? Кому же и когда может нравится гнилое, беспросветное болото, битком набитое болезнями и полутора миллионами чахлах идиотов? Накрахмаленная серая дрянь!

Потом я спрашивал у харьковца:

– Хороший ваш город?

– Какой город?

– Да Харьков!

– Да разве же это город?

– А что же это?

– Это? Эх... не хочется только сказать, что это такое – дамы близко сидят.

Я так и не узнал, что хотел харьковец сказать о своем родном городе.

Очевидно, он хотел повторить мысль петербуржца, сделав соответствующее изменение в эпитетах и количестве «чахлых идиотов».

Спрошенный мною о Москве добродушный москвич объяснил, что ему сейчас неудобно высказывать мнение о своей родине, так как в то время был Великий пост, и москвич говел.

– Впрочем, – сказал москвич, – если вам уж так хочется услышать что-нибудь об этой прокл... об этом городе – приходите ко мне на первый день Пасхи... Тогда я отведу свою душеньку!

В Одессе мне до сих пор не приходилось бывать. Несколько дней тому назад я подъезжал к ней на пароходе – славном симпатичном черноморском пароходе – и, увидев вдали зеленые одесские берега, обратился к своему соседу (мы в то время стояли рядом, опершись на перила и поплевывали в воду) за некоторыми справками.

Я рассчитывал услышать от него самое настоящее мнение об Одессе, так как вблизи дам не было и никакой пост не мог связать его уст. И, кроме того, он казался мне очень общительным человеком.

– Скажите, – обратился я к нему, – вы не одессит?

– А что? Может быть, я по ошибке надел, вместо своей, вашу шляпу?

– Нет, нет... что вы!

– Может быть, – тревожно спросил он, – я нечаянно сунул себе в карман ваш портсигар?

– При чем здесь портсигар? Я просто так спрашиваю.

– Просто так? Ну, да. Я одессит.

– Хороший город – Одесса?

– А вы никогда в ней не были?

– Еду первый раз.

– Гм... На вид вам лет тридцать. Что же вы делали эти тридцать лет, что не видели Одессы?

Не желая подробно отвечать на этот вопрос, я уклончиво спросил:

– Много в Одессе жителей?

– Сколько угодно. Два миллиона сто сорок три тысячи семнадцать человек.

– Неужели?! А жизнь дешевая?

– Жизнь? На тридцать рублей в месяц вы проживете, как Ашкинази! Нет ничего красивее одесских улиц. Одесский театр – лучший театр в России. И актеры все играют хорошие, талантливые. Пьесы все ставятся такие, что вы нигде таких не найдете. Потом Александровский парк... Увидите – ахнете.

– А, говорят, у вас еще до сих пор нет в городе электрического трамвая?

– Зато посмотрите нашу конку! Лошади такие, что пустите ее сейчас на скачки – первый приз возьмет. Кондукторы вежливые, воспитанные. Каждому пассажиру отдельный билет полагается. Очень хорошо!

– А одесские женщины красивы?

Одессит развел руками и, прищурясь, со-
страдательно поник головой.

– Он еще спрашивает!

– А климат хороший?

– Климат? Климат такой, что вы через неделю станете такой толстый, здоровый, как бочка!

– Что вы! – испугался я. – Да я хочу поху-
деть.

– Ну, хорошо. Вы будете такой худой, как палка. Сделайте одолжение! А если бы вы знали, какое у нас в Одессе пиво! А рестораны!

– Значит, я ничего не теряю, собравшись в Одессу?

Он, не задумываясь, ответил:

– Вы уже потеряли! Вы даром потеряли тридцать лет вашей жизни.

Одесситы не похожи ни на москвичей, ни на харьковцев. Мне это нравится.

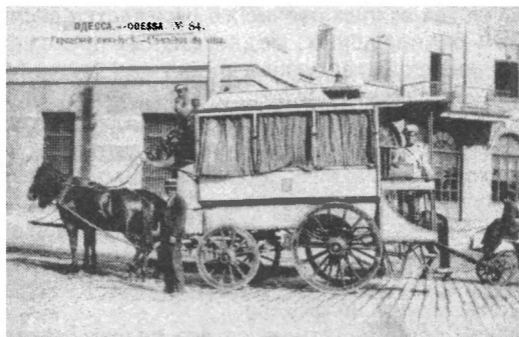
II

Во всех других городах принято, чтобы граждане с утра садились за работу, кончали ее к заходу солнца и потом уже предавались отдыху, прогулкам и веселью.

А в Одессе настоящий одессит начинает отдых, прогулки и веселье с утра – так, часов с девяти.

К этому времени все главные одесские улицы уже полны праздным народом, который бредет по тротуарам ленивыми, заплетающимися шагами, останавливается у всякой витрины, у всякого окна, и с каким-то упорным равнодушием интересуется каждой мелочью, каждым пустяковым случаем, на который петербуржец не обратил бы никакого внимания.

Нянька тащит за руку ревущую маленькую девочку. Одессит остановится и станет следить с задумчивым видом за нянькой, за девочкой, за другим одесситом, заинтересовавшимся этим, и побредет дальше только тогда, когда нянька с ребенком скроется в воротах, а второй одессит застынет около фотографической витрины.

Городской “омнибус” начала XX века – самое распространенное средство передвижения по городу.

“...– А, говорят, у вас еще до сих пор нет в городе электрического трамвая?”

– Зато посмотрите нашу конку! Лошади такие, что пустите ее сейчас на скачки – первый приз возьмет. Кондукторы вежливые, воспитанные. Каждому пассажиру отдельный билет полагается. Очень хорошо!”

Стоит какому-нибудь извозчику остановить лошадь, с целью поправить съехавшую на бок дугу, как экипаж сейчас же окружается десятком равнодушных, медлительных прохожих, начинающих терпеливо следить за движениями извозчика.

Спешить им, очевидно, некуда, а извозчик, поправляющий дугу – зрелище, которое с успехом может занять десять-пятнадцать праздных минут.

Сначала я думал, что одесситы совершают прогулку только ранним утром, рассчитывая заняться делами часов с одиннадцати-двенадцати. Ничуть не бывало.

В одиннадцать часов все рассаживаются на террасах многочисленных кафе и погружаются в чтение газет. Свои дела совершенно никого не интересуют. Все поглощены Англией или Турцией, или просто бюджетом России за текущий год. Особенно заинтересовываются бюджетом России те одесситы, собственный бюджет которых не позволяет потребовать второй стакан кофе.

Двенадцать часов. Другие города в это время дня погружены в лихорадочную работу. Но только не Одесса. Только не одесситы.

В двенадцать часов, к общей радости, в ресторанах начинает греметь музыка, раздаётся веселое пение, и одесситы, думая, в простоте душевной, что их трудовой день уже кончен, гурьбой отправляются в ресторан.

Нет лучшего города для лентяя, чем Одесса. Поэтому, здесь, вероятно, так много у всех

времени и так мало денег.

III

Недавно я встретил на улице того самого одессита, который ехал со мной на пароходе. Он не узнал меня. А я подошел, приподнял шляпу и сказал:

– Здравствуйте. Не узнаете?

– А! – радостно вскричал он... – Сколько лет, сколько зим!..

Порывисто обнял меня, крепко поцеловал и потом с любопытством стал всматриваться.

– Простите, что-то не могу вспомнить...

– Как же! На пароходе вместе...

– А! Вот счастливая встреча!

Мимо проходил еще какой-то господин.

Мой одессит раскланялся с ним, схватил меня за руку и представил этому человеку.

– Позвольте вас представить... Мимо проходил еще какой-то господин.

– А! – крикнул ему одессит. – Здравствуйте. Позвольте вас познакомить.

Мы познакомились. Еще проходили какие-то люди и я познакомился и с ними. Потом решили идти в кафе.

В кафе одессит потащил меня к хозяину и познакомил с ним. Какая-то девица сидела за кассой. Он поздоровался с ней, осведомился о здоровье ее тетки и потом сказал, похлопывая меня по плечу:

– Позвольте вас познакомить с моим приятелем.

Нет более общительного, разбитного человека, чем одессит. Когда люди незнакомы между собой – это ему действует на нервы.

Климат здесь очень жаркий и, поэтому, все созревает с головокружительной быстротой. Для того, чтобы подружиться с петербуржцем нужно от двух до трех лет. В Одессе мне это удавалось проделывать в такое же количество часов. И при этом сохранялись все самые мельчайшие стадии дружбы; только развитие их шло другим темпом. Вкусы и привычки изучались в течение первых двадцати минут, десять минут шло на оказание друг другу взаимных услуг, так скрепляющих дружбу (на севере для этого нужно спасти другу жизнь, выручить его из беды, а одесский темп требует меньшего: достаточно предложить папиросу или поднять упавшую шляпу, или придвинуть пепельницу), а в начале второго часа отношения уже были таковы, что ощущалась настоятельная необходимость заменить холодное, накрахмаленное «вы» теплым дружеским «ты». Случалось, что к концу второго часа дружба уже отцветала, благодаря внезапно вспыхнувшей ссоре, и таким образом, полный круг замыкался в течение двух часов.

Многие думают, что нет ничего ужаснее ссор на юге, где солнце кипятит кровь и зной туманит голову.

Я видел, как ссорились одесситы, и не нахожу в этом особенной опасности.

Их было двое и сидели они в ресторане, дружелюбно разговаривая.

Один, между прочим, сказал:

– Да вспомнил: вчера видел твою симпатию... Она ехала с каким-то офицером, который обнимал ее за талию.

Второй одессит побагровел и резко схватил первого за руку.

– Ты врешь! Этого не могло быть!

– Во-первых, я не вру, а, во-вторых, прошу за руки меня не хватать!

– Что-о? Замечания?! Во-первых, если ты это говоришь, ты негодяй, а, во-вторых, я сейчас хвачу тебя этой бутылкой по твоей глупой башке.

И он, действительно, схватил бутылку за горлышко и поднял ее.

– О-о! – бледнея от ярости и вскакивая, просвистел другой. – За такие слова ты мне дашь тот ответ, который должен дать всякий порядочный человек.

– Сделай одолжение – какое угодно оружие!

– Прекрасно! Завтра мои свидетели будут у тебя. Петя Березовский и Гриша Попандупуло!!

– Гриша? А разве он уже приехал?

– Конечно. Еще вчера.

– Ну, как же его поездка в Симферополь? Не знаешь?

– Он говорит – неудачно. Только деньги даром потратил.

– Вот дурак! Говорил же я ему – пропащее дело... А скажи, видел он там Финкельштейна?

Противники сели и завели оживленный разговор о Финкельштейне. Так как один про-

должал машинально держать бутылку в воздухе, то другой заметил:

– Что-ж ты так держишь бутылку? Наливай.

Оскорбленный вылил пиво в стаканы, чокнулся и, как ни в чем не бывало, стал расспрашивать о делах Финкельштейна.

Тем и кончилась эта страшная ссора, сулившая тяжелые кровавые последствия.

IV

Та быстрота темпа, которая играет роль в южной дружбе, применяется также и к южной любви.

Любовь одессита так же сложна, многообразна, полна страданиями, восторгами и разочарованиями, как и любовь северянина, но разница та, что, пока северянин мямлит и топчетя около одного своего чувства, одессит успеет перестрадать, перечувствовать около 15 романов.

Я наблюдал одного одессита.

Влюбился он в 6 час. 25 мин. вечера в дамочку, к которой подошел на углу Дерibasовской и еще какой-то улицы.

В половине 7-го они уж были знакомы и дружески беседовали.

В 7 час. 15 мин. дама заявила, что она замужем и ни за какие коврижки не полюбит никого другого.

В 7 час. 30 мин. она была тронута сильным чувством и постоянством своего собеседника, а в 7 час. 45 мин. ее верность стала колебать-

ся и трещать по всем швам. Около 8 час. она согласилась пойти в кабинет ближайшего ресторана, и то только потому, что до этих пор никто из окружающих ее не понимал и она была одинока, а теперь она не одинока и ее понимают.

Медовый месяц влюбленных продолжался до $9\frac{3}{4}$ час., после чего отношения вступили в фазу тихой, прочной, спокойной привязанности. Привязанность сменилась привычкой, за ней последовало равнодушие ($10\frac{1}{2}$ час), а там пошли попреки ($10\frac{3}{4}$ час.), слезы (10 час. 50 мин.), и к 11 часам, после замеченной с одной стороны попытки изменить другой стороне, этот роман был кончен!

К стыду северян нужно признать, что этот роман отнял у действующих лиц ровно столько времени, сколько требуется северянину на то, чтобы решиться поцеловать своей даме руку.

Вот какими кажутся мне прекрасные, порывистые, экспансивные одесситы.

Единственный их недостаток – это, что они не умеют говорить по-русски, но так как они разговаривают больше руками, этот недостаток не так бросается в глаза.

Одессит скажет вам: – Вместо того, чтобы с мне смеяться, вы бы лучше указали для мне выход...

И если бы даже вы его не поняли – его конечно, пущенные в ход с быстротой ветряной мельницы, объяснят вам все непонятные места этой фразы.

Если одессит скажет слово:

– Мило.

Вы не должны думать, что ему что-нибудь понравилось. Нет. Сопровождающая это слово жестикация руками, объяснит вам, что одесситу нужно мыло, чтобы вымыть руки.

Игнорирование одесситом буквы «ы» сбивает с толку только собак. Именно, когда одессит скажет при собаке слово «пиль», она, обыкновенно, бросается, сломя голову, по указанному направлению.

А бедный одессит просто указывал на лежащий по дороге слой пыли...

Одесситы приняли меня так хорошо, что я, с своей стороны, был бы не прочь сделать им в благодарность небольшой подарок:

Преподнести им в вечное и постоянное пользование букву «ы».

Одесское дело

I

– Я тебе говорю: Франция меня еще вспомнит!

– Она тебя вспомнит? Дождись!..

– А я тебе говорю – она меня очень скоро вспомнит!!

– Что ты ей такое, что она тебя будет вспоминать?

– А то, что я сотый раз спрашивал и спрашиваю: Франции нужно Марокко? Франции нужно бросать на него деньги? Это самое Марокко так же нужно Франции, как мне лошадиный хвост! Но... она меня еще вспомнит!

Человек, который надеялся, что Франция его вспомнит – назывался Абрамом Гидалевичем; человек, сомневающийся в этом, приходился родным братом Гидалевичу и назывался Яков Гидалевич.

В настоящее время братья сидели за столиком одесского кафе и обсуждали положение Марокко.

Возражения рассудительного брата взбесили порывистого Абрама. Он раздражительно стукнул чашкой о блюдце и крикнул:

– Молчи! Ты бы, я вижу, даже не мог быть самым паршивым министром! Мы еще по чашечке выпьем?

– Ну, выпьем. Кстати, как у тебя дело с Лейбензоновским маслом?

– Это дело? Это дрянь. Я на нем всего рублей двенадцать, как заработал.

– Ну, а что ты теперь делаешь?

– Я? Покупаю дом для одной там особы.

В этом месте Абрам Гидалевич солгал самым беззастенчивым образом – никакого дома он не покупал и никто ему не поручал этого. Просто излишек энергии и непоседливости заставил его сказать это.

– Ой, дом? Для кого?

– Ну, да... Так я тебе сейчас и сказал.

– Я потому спрашиваю, – возразил, нисколько не обидевшись, Яков, – что у меня есть хороший продажный домик. Поручили продать.

– Ну?! Кто?

Яков хладнокровно пожал плечами.

– Предположим, что сам себе поручил. Какой он умный, мой брат. Ему сейчас скажи фамилию и что, и как.

Солгал и Яков. Ему тоже никто не поручал продавать дом. Но сказанные им слова уже имели под собой некоторую почву. Он не бросил их на ветер так, здорово живешь. Он рассуждал таким образом: если у Абрама есть покупатель на дом, то это, прежде всего, такой хлеб, которым нужно и следует заручиться. Можно сначала удержать около себя Абрама с его покупателем, а потом уже подыскать продажный дом.

Услышав, что у солидного, не любящего бросать слова на ветер Якова, оказался про-

дажный дом, Абрам раздул ноздри, прищелкнул под столом пальцами и тут же решил, что такого дела упускать не следует.

– Если у Якова есть продажный дом, – размышлял, поглядывая на брата, Абрам, – то я сделаю самое главное: заманю его своим покупателем, чтобы он совершил продажу через меня, а потом уже можно найти покупателя. Что значит можно найти? Нужно найти! Нужно перерваться пополам, но найти. Что я за дурак, чтобы не заработать полторы-две тысячи на этом?

– Кое-какие знакомые у меня есть, – углубился в свои мысли Яков. – Если у Абрашки в руках покупатель – почему я через знакомых не смогу найти домовладельца, который бы хотел развязаться с домом? Отчего мне не сделать себе тысячи полторы?

– Так что ж ты... -- продаешь дом? – спросил с наружным равнодушием Абрам.

– А ты покупаешь?

– Если хороший дом – могу его и купить.

– Дом хороший.

– Ну, это все-таки нужно обсмотреть. Приходи сюда через три дня. Мне еще нужно поговорить с моим доверителем.

– Молодец Абрам. Мне тоже нужно сделать кое-какие хлопоты. Я уже иду. Кто платит за кофе?

– Ты.

– Почему?

– Ты же старше.

**Знаменитое в Одессе место встреч
негоциантов – кафе Фанкони.**

**“...братья сидели за столиком одес-
ского кафе и обсуждали положение
Марокко.”.**

Не менее известное в Одессе место встреч – кафе Робина.

“Братья сели за дальний столик, потребовали кофе и, весело подмигнув друг другу, вынули свои куртажные расписки”.

II

В течение последующих трех дней праздные одесситы с изумлением наблюдали двух братьев Гидалевичей, которые, как бешеные, носились по городу, с извозчика перескакивали на трамвай, с трамвая прыгали в кафе, из кафе опять на извозчика, а Абрама один раз видели даже несущимся на автомобиле...

Дело с домом, очевидно, завязалось нешуточное.

Похудевшие, усталые, но довольные, сошлись, наконец, оба брата в кафе, чтобы поговорить «по настоящему».

– Ну?

– Все хорошо. Скажи, Абрам, кто твой покупатель и в какую, приблизительно, сумму ему нужен дом?

– Ему? В семьдесят тысяч.

– Ой! У меня как раз есть дом на семьдесят пять тысяч. Я думаю, еще можно и поторговаться. А кто?

– Что кто?

– Кто твой покупатель? Ну, Абрам! Ты не доверяешь собственному брату?

– Яша! Ты знаешь знаменитую латинскую поговорку: «Платон! Ты мне брат, но истина мне гораздо дороже». Так пока я тебе не могу сказать. Ведь ты же мне не скажешь!

Яков вздохнул.

– Ох, эти коммерческие дела... Ты уже по-

лучил куртажную расписку?

– Нет еще. А ты?

– Нет. Когда мы их получим, тогда можно не только фамилию его сказать, а более того: и сколько у него детей, и с кем живет его жена даже! О!

– Скажи мне, Яша... Так, знаешь, положи руку на сердце, почему твой доверитель продает дом? Может, это такая гадость, которую и на слом покупать не стоит?

– Абрам! Гадость? Стоит тебе только взглянуть на него, как ты вскрикнешь от удовольствия – новенький, сухой домик, свеженький, как ребеночек, и, по моему, хозяин сущий идет, что продает его. Он, правда, потому и продает, что я уговорил. Я ему говорю: тут место опасное, тут могут быть оползни, тут, вероятно, может быть, под низом каменоломни были – дом ваш сейчас же провалится! Ты думаешь, он не поверил? Я ему такое наскзал, что он две ночи не спал, и говорит мне, бледный, как потолок: продавайте тогда эту дрянь, а я найду себе другой дом, чтобы без всякой каменоломни.

– Послушай... ты говоришь дом, дом, но где же он, твой дом? Ты его хочешь продать, так должны же мы его с покупателем видеть?! Может, это не дом, а старая коробка из-под шляпы, Как же?

– Сам ты старая коробка! Хорошо, мы покажем твоему покупателю дом, а он посмотрит на него и скажет: «домик хороший, я его покупаю; здравствуйте, господин хозяин, как вы

поживаете, а вы Гидалевичи идите ко всем чертям, вы нам больше не нужны». А когда мы получим куртажные расписки, мы скажем: «что? А где ваши два процента?»

– Ну, хорошо... скажи мне только, на какую бровку начинается твой домовладелец?

– Мой домовладелец? На «це». А твой покупатель?

– На «бе».

И соврали оба.

Тут же оба дельца условились взять у своих доверителей куртажные расписки и собраться через два дня в кафе для окончательных переговоров.

– Кто сегодня платит за кофе? – любопытствовал Абрам.

– Ты.

– Почему?

– Потому что я тобой угощаюсь, – отвечал мудрый Яша.

– Почему ты угощаешься мною?

– Потому что я старше!

III

Это был торжественный момент... Две куртажных расписки, покоившихся в карманах братьев Гидалевичей, были большими, важными бумагами: эти бумаги приносили с собой всеобщее уважение, почет месяца на четыре, сотни чашек кофе в громадном уютном кафе, несколько лож в театре, к которому каждый одесит питает настоящую страсть, ежедневную

ленивую партию в шахматы «по франку», и ежедневный горячий спор о Марокко, Китае и мексиканских делах.

Братья сели за дальний столик, потребовали кофе и, весело подмигнув друг другу, вынули свои куртажные расписки.

– Ха! – сказал Яков. – Теперь посмотрим, как мой субъект продаст свой дом помимо меня.

– А хотел бы я видеть, как мой покупатель купит себе домик без Абрама Гидалевича.

Братья придвинулись ближе друг к другу и заговорили шепотом...

Из того угла, где сидели братья Гидалевич, донеслись яростные крики и удары кулаками по столу.

– Яшка! Шарлатан! Почему твоего продавца фамилия Огурцов?

– Потому что он Огурцов. А разве что?

– Потому что мой тоже Огурцов!! Павел Иванович?

– Ну, да. С Продольной улицы. Так что?

– Ой, чтоб ты пропал!

– Номер тридцать девятый?

– Да!

– Так это же он! Которому я хочу продать твой дом.

– Кому? Огурцову? Как же ты хочешь продать Огурцову дом Огурцова?

– Потому что он мне сказал, что покупает новый дом, а свой продает.

– Ну? А мне он говорил, что свой дом он продает, а покупает новый.

– Идиот! Значит, мы ему хотели его соб-

ственный дом продать? Хорошее предприятие.

Братья сидели молча, свесив усталые от дум, хлопот и расчетов головы.

– Яша! – тихо спросил убитым голосом Абрам, – как же ты сказал, что его фамилия начинается на «це», когда он Огурцов?

– Ну, кончается на «це»... А что ты сказал? На «бе»? Где тут «бе»?

– Яша... Так что? Дело, значит, лопнуло?

– А ты как думаешь? Если ему хочется еще раз купить свой собственный дом, то дело не лопнуло, а если один раз ему достаточно – плюнем на это дело.

– Яша! – вскричал вдруг Абрам Гидалевич, хлопнув рукой по столику. – Так дело еще не лопнуло!.. Что мы имеем? Одного Огурцова, который хочет продать дом и хочет купить дом! Ты знаешь что мы сделаем? Ты ищи для дома Огурцова другого покупателя, не Огурцова, а я поищу для Огурцова другого дома не Огурцовского. Ну?

Глаза печального Яши вспыхнули радостью, гордостью и нежностью к младшему брату.

– Абрам! К тебе пришла такая гениальная идея, что я... сегодня плачу за твое кофе!!

Костя Зиберов

I

В Одессе мне пришлось прожить недолго, и все-таки я успел составить об этом городе самое лестное для него мнение. Тамошняя жизнь мне очень понравилась, улицы, бульвары и море привели меня в восхищение, а об одесситах я увез самые лучшие, тихие, дружеские воспоминания.

Костя Зиберов навсегда останется в моей памяти, как символ яркого, блестящего, переливающегося разными цветами пятна на тусклом фоне жизни, пятна – рассыпавшегося целым каскадом красивых золотых искр.

Впервые я увидел Костю Зиберова в Александровском парке. Я скромно сидел за столиком, допивая бутылку белого вина, и меланхолично, со свойственным петербуржцу мелким скептицизмом, посматривая на открытую сцену.

Когда показался Костя Зиберов, он сразу привлек мое внимание. Одет он был в синий пиджак, серые брюки, белый жилет, и на груди имел прекрасный лиловый галстук – костюм немного пестрый с точки зрения чопорного франта, но чрезвычайно шедший к смуглому красивому лицу Кости Зиберова. Черные куд-

ри Кости прикрывала элегантная панама, поля которой были спущены и бросали прозрачную темную тень на прекрасные Костины глаза.

Ботинки у него были желтые, с модными тупыми носками.

Костя, легко скользя между занятыми публикой столиками, приблизился к одному свободному, по соседству со мной – сел за него и громко постучал палкой с серебряным набалдашником.

Метр-д'отель подобострастно склонился над ним.

– Эге! – подумал я. – Этот господин пришел с серьезными намерениями... Я уверен, сейчас появятся две-три этуали и веселый кутеж протянется до утра. Будет от него хозяину нажива.

Действительно, палкой он постучал так громко и заложил ногу за ногу так решительно – будто бы хотел потребовать все самое лучшее, что есть в погребе, в кухне и на сцене.

– Что позволите? – замотал невидимым хвостом метр-д'отель.

Костя поднял на него рассеянные, томные глаза.

– А? Дайте-ка мне... стакан чаю с лимоном. Только покрепче!

Нигде не умеют с таким толком тратить деньги, как в Одессе. Каждый гривенник тратится там ясно, наглядно, вкусно, с блеском и экстравагантностью, которых петербуржцу никогда не достичь, даже истратив сто рублей.

Бутылка дешевого белого вина, поданная

одесситу в серебряном ведре со льдом и пятиалтынный, врученный за это лакею на чай, произведет всегда более громкое, более потрясающее по своей шикарности впечатление, чем пара бутылок шампанского петербуржца... Потому что петербуржцу не важно, будет ли вино стоять на его столе, или на стуле в двух шагах от него, прикрытое до неузнаваемости белой салфеткой, не важно – считают ли это вино принадлежащим ему или его соседу, и не важно – видел ли кто-нибудь, когда он сунул лакею в ладонь два рубля на чай...

С рублем в кармане одессит проведет праздничный день так полно, разнообразно, блестяще и весело, как не приснится жителю другого города и с десятком рублей. С самого утра одессит посидит в кафе, потом пойдет на бульвар послушать музыку и выпить бокал пива, поедет куда-нибудь на Фонтан к знакомым; вернувшись, съест пару бутербродов в Квисисане, а вечером он сидит в парке, пьет свой «стакан чаю, но покрепче» и слушает пение шикарных шансонеток, изредка мелодично подпевая им.

И все это он делает с таким независимым видом, будто он мог бы на Фонтан поехать и в автомобиле, но для курьеза хочет испытать и трамвайную езду... На бульваре он мог бы плотно пообедать с бутылочкой бургундского, но доктора строго-настрого запретили ему излишествовать в пище... И вечером в парке – что стоило бы ему пригласить к своему обильному столу пару певиц, но зачем? Все это одно и то

же, все это надоело, всем этим он пресытился...

Вид у него – принца, путешествующего инкогнито, колоссально богатого, но который избрал себе, разочаровавшись жизнью, странную забаву: имея в кармане сотенные билеты, тратить пятак и гривенники, иногда торгуясь даже в самых безнадежных случаях.

II

Когда Костя Зиберов потребовал стакан чаю, я, будучи еще мало знаком с одесской жизнью, подумал:

– Вероятно, он стесняется и не хочет устраивать сразу шум и треск, предпочитая начать со скромного стакана чаю..

Но Костя и кончил этим стаканом. Вместе с последним номером программы на сцене, Костя допил остатки холодного чаю и опять громко постучал палкой по столу.

– Что прикажете?

– Человек! Счет!

– Один стакан чаю-с. Пятнадцать копеек.

Боюсь, что если бы Косте подали счет, он подписал бы его. Но счета ему не подали, и он, вынув из кармана двугривенный, с громким звуком бросил его на блюдце.

– Возьмите. Сдачи не надо!

И, с развинченными манерами неисправимого кутилы и расточителя, просадившего не одно наследство, Костя вышел из сада.

Расплатившись, ушел и я.

В конке нам пришлось сидеть рядом.

Костя приветливо взглянул на меня, и со свойственной всем южанам общительностью, спросил:

– Далеко изволите ехать?

С такими вопросами обращаются, обыкновенно, пассажиры поездов, идущих без пересадки дня два-три. Когда предстоит совместный трехдневный путь, интересно ознакомиться с соседями и узнать их планы, намерения.

Костя попытался сделать это, хотя мы должны были расстаться через двадцать минут.

– На Преображенскую, – отвечал я.

– Хорошая улица. Прекрасная... Мне, хотя, нужно через две улицы слезать, но я провожу вас до Преображенской. Кстати, найду в Квисисану закусить... Вы приезжий?

Как-то случилось, что зашли мы вместе, каким-то образом вышло, что сели мы салат, котлет и выпили две бутылки вина, и еще вышло так, что заплатил я. Правда, Костя очень горячо спорил, желая взять эти расходы на себя, я горячо возражал, но, наконец, когда мое упорство было сломлено, я согласился:

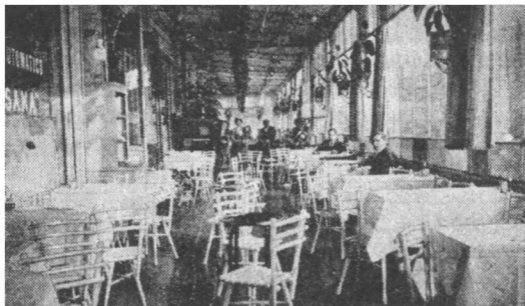
– Ну, хорошо, сегодня платите вы, а следующий раз я.

Костя тогда сказал, добродушно пожав плечами:

– Ну, ладно. Платите вы, если уж так хотите. А следующий раз заплачу уж я.

Когда мы вышли, Костя, держа меня под руку, восхищенно говорил:

– Так ты, значит, петербуржец... Вот оно

Популярный в Одессе ресторан “Квисисана” на Преображенской улице.

“...– На Преображенскую, – отвечал я.
– Хорошая улица. Прекрасная... Мне, хотя, нужно через две улицы слезать, но я провожу вас до Преображенской. Кстати, зайдю в Квисисану закусить...”

что. Очень рад! Я все собирался в Петербург, да все как-то не мог собраться. Хочешь, приеду теперь, а?

– Приезжай, – согласился я.

– Право, приеду. Все-таки, свой человек теперь есть в столице.

III

Я думал, что Костя Зиберов говорил о своем приезде в Петербург просто так, чтобы сказать мне что-нибудь приятное и удовлетворить палящую ненасытную жажду общительности и дружелюбия. Так, один господин из Кишинева, встретив меня случайно в Петербурге и познакомившись, пригласил к себе в Кишинев «денька на два». И он знал прекрасно, что никогда я к нему не приеду, и все таки приглашал, а я был твердо уверен, что нет такой силы, которая повлекла бы меня за тысячи верст к еле знакомому человеку «денька на два» – и все-таки я обещал. Впрочем, сейчас же мы оба и забыли об этом.

Но Костя Зиберов сдержал свое обещание: он приехал в Петербург.

Никогда я не видел интереснее, забавнее и курьезнее зрелища, чем Костя Зиберов в Петербурге.

Среди горячей, сверкающей декоративной природы юга Костя Зиберов был красив, уместен и законен, со своим ярким, живописным костюмом, размашистыми жестами, неожиданными оборотами языка и болезненным влече-

нием к знакомству и дружбе... В Петербурге он казался сверкающим павлином среди скромных серых воробьев. Все пугались его яркости, стремительности, дружелюбия и шумливости...

Он поселился у меня.

В первый день мы пошли обедать в один из ближайших ресторанов и произвели там фурор... Блестящий костюм Кости, его походка разочарованного миллионера и властный стук палкой по столу, собрали у нашего стола целую группу: двух метр-д'отелей, мальчишку и четырех лакеев.

– Что изволите приказать, ваше сиятельство?

Его сиятельство с брезгливой миной взял карточку, скептически взглянул на нее и проворчал:

– Воображаю... Чем вы тут накормите!..

– Помилуйте-с... Все оставались довольны...

– Да... знаем мы... Все вы так говорите!

Он наклонился ко мне и шепнул:

– Нам хватит на обед и вино? Я, признаться, не при деньгах.

– Не беспокойся, – улыбнулся я. – Распожайся.

Костя оживился и сразу дал почувствовать метр-д'отелю, что с ним нужно держать ухо востро и накормить нас нужно по княжески.

Он забросал метр-д'отеля самыми необычными названиями вин, ошеломил его какими-то тефтелями, «которые у вас, наверное, делают черт знает как!» и, успокоившись немно-

го, обратился ко мне:

– С кем это ты сейчас раскланялся?

– Это скульптор. Князь Трубецкой.

– Как?! И ты говоришь об этом так спокойно? Ты с ним знаком?

– Да, – сказал я. – Знаком. А что?

– Чего же ты молчал все время? – ахнул Зиберов. – Вот чудак! Приехал в Одессу и молчит.

– А чего ж мне. Не бродить же мне было с утра до вечера по одесским улицам, кричать до хрипоты: «а я знаком с князем Паоло Трубецким!»

Тут же я вспомнил, как Костя прожужжал мне уши тем, что он знаком с известным борцом – каким-то Кара-Меметом, и даже как-то, расщедрившись, дал мне благосклонное обещание познакомить меня с ним.

Известность его прельщала. Чья-нибудь слава туманила ему голову, и знакомство с популярным человеком доставляло ему вакхическую радость.

Пришлось познакомить его и с Трубецким.

Разговор их чрезвычайно меня позабавил.

– Так вы, значит, и есть тот самый Трубецкой? – лихорадочно спросил Костя.

– Тот самый и есть, – улыбнулся князь.

– А я представлял вас совсем другим. Думал – вы с большой бородой.

– Напрасно!

– Ну, что – трудно, вообще, лепить?

– Сущие пустяки. Привычка, и больше ничего.

В этом месте Косте Зиберову захотелось сказать князю что-нибудь приятное.

– Отчего вы никогда не приедете в Одессу?

– А что?

– Помилуйте! Прекрасный город! Море, вообще, суша... Вас бы там встретили по-царски. Помилуйте – князь Трубецкой!

– Мерсі, – скромно поклонился князь.

– Да чего там! Конечно, приезжайте. Прямо ко мне... У меня можете и остановиться.

– К сожалению, я не знаю – что же я там буду делать?

– Господи! Мало ли... Право, приезжайте. Беру с вас слово... Стаканчик вина можно вам предложить? Я так рад, право...

Глаза Кости затуманились. Наступал тот психологический момент, когда Костя должен был предложить князю выпить с ним на «ты».

IV

Вечером Костя изъявил желание повеселиться и я повез его в летний «Буфф».

У кассы театра я остановился.

– Зачем? – удивился Костя.

– Билеты взять!

– Вот чепуха! С какой стати платить. Нам и так дадут места.

– Да, с какой же стати...

Костя властно взял меня под руку.

– Пойдем!

Он вел меня, глядя рассеянно, задумчиво

прямо перед собою.

У входа человек нерешительно остановил его:

– Ваши билеты, господа!

Костя очнулся, вышел из задумчивости, обернул к привратнику изумленно оскорбленное лицо и процедил сквозь зубы, с непередаваемым выражением презрения, сказавшим его красивое лицо:

– Бол-ван!

– Извините-с, – засуетился привратник. – Я не знал... Пожалуйте! Программку не прикажете ли?

В саду Костя быстро ориентировался. Он повлек меня за кулисы, отыскал какого-то режиссера или управляющего и потребовал:

– Два места в партере поближе.

– Для кого?

– Как, – изумился Костя, указывая на меня. – Вы его не знаете? Этого человека не знаете?! Полноте! Вы должны бы дать ему два постоянных места, а не спрашивать – для кого? Вы только и держитесь прессой, пресса создает вам успех, а вы спрашиваете – для кого?

Через пять минут мы сидели в креслах третьего ряда.

Первое действие Костя просмотрел с пренебрежительной гримасой, мрачно, а в середине второго действия возмутился:

– Черт знает что! – громко воскликнул он. – Какую дрянь преподносят публике... Только деньги даром берут.

– Замолчи, – прошептал я. – Ну, чего там...

– Не замолчу я! Хор отвратительный, режиссерская часть хромает, и певицы безголобые... Да у нас бы в Одессе пяти минут не прожила такая оперетка!

В третьем акте Костя выразил еще более недвусмысленное неудовольствие и даже попытался намекнуть, что мы можем потребовать возврата напрасно брошенных денег.

– Да ведь мы не платили, – возразил я.

– Мало что – не платили... Так они этим и пользуются?

Зрители, после Костиной критики, вероятно, нашли, что никогда им не случалось видеть более шикарного, изысканного посетителя, чем Костя...

Прожил Костя у меня неделю. Денег у меня он брал мало – на самое необходимое – и тратил их с таким вкусом, что все относились к нему подобострастно и почтительно, а на меня не обращали никакого внимания... Он был так ослепителен, что я все время являлся серым, однотонным контрастом ему.

Уезжая, взял у меня на дорогу.

– Были деньги, – небрежно улыбнулся он своими прекрасными губами, – да вчера как раз просвистел их все в Аквариуме. Безобразие, в сущности. Посмотри-ка счет какой!..

Он вынул из кармана измятый счет и показал итог: 242 р. 40 к.

Меня удивило, что отдельные строчки, когда я бросил на счет быстрый взгляд, были такого содержания:

Шницель по гамбур.....1р.

Водка и бутер.....70 к.

Папиро.....20 к.

Сифон.....50 к.

И, кроме того, мне показалось, что первые две цифры итога 242 р. 40 к. были написаны более темными чернилами, чем последующие три.

Но я ничего не сказал, сочувственно покачал головой, обнял на прощанье Костю Зиберова, сердечно простился с ним и – он уехал в свою веселую Одессу.

Очень часто вспоминал я Костю Зиберова и, сказать ли правду, частенько скучаю по Косте Зиберове...

Один город...

I

Считается признаком дурного тона писать о частной жизни лиц, которые еще живы и благополучно существуют на белом свете.

То же самое можно применить и к городам.

Мне бы очень не хотелось поставить в неловкое положение тот небольшой городок, о котором я собираюсь написать. Именно потому, что он еще жив, здоров, и ему будет больно читать о себе такие вещи.

Поэтому, я полагаю – самое лучшее, не называть его имени. Жители сами догадаются, что речь идет об их городе, и им будет стыдно. Если же жители других городов, которых я не имел в виду, примут все на свой счет, я нисколько не буду смущен... Пусть! На воре шапка горит.

В том городе, о котором я хочу писать и который не назову ни за какие коврижки, мне нужно было пробыть всего один день.

Подъезжая к нему, я лениво поинтересовался у соседа по месту в вагоне: что из себя в сущности представляет этот город?

– Скверный городишка... Мог бы быть красивым и интересным, но городская дума сделала из него черт знает что...

– А почему?

Сосед ехидно подмигнул мне.

– Покрали деньги.

– Кто покрал?

– Да члены думы. А первый вор – городской голова... Такого вора, как ихний городской голова, и свет не производил! Не только все деньги из кассы покрал, но даже самую кассу на куски разломал и домой к себе свез.

– А чего же ихняя полиция смотрит?

– Ихняя полиция? Ха-ха!... Ихняя полиция... В этом городе такая полиция, что с живого и мертвого взятки дерет...

– Ну, уж и с мертвого... – усомнился я.

– А ей-богу. Собираются родственники хоронить покойника, а их сейчас за шиворот: «Стой – куда? Хоронить? А разрешение от департамента торговли и мануфактур имеешь?» «Нет». «Ну, вот видишь... Давай десять рублей поспектакльного сбору – тогда волоки». И дают.

– Ну, это вы, кажется, слишком...

– Нет, не слишком! Не слишком... С жидов взяли все, что можно было взять. Теперь русских стали ловить. Поймают: «Ты жид?» «Нет, не жид!» – «Нет, жид». – «Сколько?» – «Десять». – «Подавись!» Всего и разговору.

– Но как же при таких порядках могут существовать жители?

Он опять ехидно подмигнул мне.

– Жители? А вот увидите.

В этот момент поезд подошел к городку, имени которого я упорно не хочу назвать... Так

как вещей у меня с собой почти не было, я решил до ближайшей гостиницы дойти пешком. Взял ручной сак и пошел.

II

Впереди меня шел человек простоватой наружности и вел энергичную беседу с бабой в платке.

– Да ты говори толком – сколько хочешь?

– Да двадцать же рублей! Слепой, что ли? Чистое золото.

– Мало, что чистое. Небось, украла – дешево досталось! У меня только десятка и есть – хочешь за десятку?

Я приблизился.

– Да вот спросим у барина, – сказал простоватый человек. – Нешто за краденую вещь можно столько просить?

Баба подозрительно оглянулась на меня и спрятала золотые часы под платок.

Простоватый человек дружелюбно нагнулся ко мне и шепнул:

– Дура баба! А не хотелось бы вещицу выпускать... Часы рублей двести стоят, а она двадцать просит. Десятки только у меня и не хватает... Эх, жалость!

И сказал бабе громко:

– Так не отдашь за десять? Ну, и шут с тобой.

Он махнул рукой и отошел. А я, оставшись с бабой, решил купить дешевые часы.

– Вот, что сударыня, – сказал я. – Если эти

часы, действительно, ваши и если вы считаете для себя возможным отдать за такую цену...

Я вынул бумажник...

Какой-то человек, видом похожий на дворника, спешно приближался к нам, размахивая руками и крича:

– Постойте! Обождите, господин... Вы, верно, приезжий?

– Приезжий, – робко отвечал я.

– Оно и видно. Ах ты, старая ведьма! Пошла вон, пока я тебя в участок не отправил. Ну, и жулье же, прости Господи!..

Старая баба запахнулась в платок и испуганно убежала, а мой новый знакомый сострадательно посмотрел на меня и сказал:

– Эх вы! Вот бы и влопались, если бы купили часики. Ведь они медные.

– А как же тот человек сам хотел купить...

– Да он ее муж. Вместе работают, по договору. О-о... Тут нужно держать ухо востро!

Я горячо поблагодарил своего спасителя, а он добродушно махнул рукой и сказал:

– Ну, чего там! Вы где думаете остановиться?

– Я... еще не знаю.

– У нас во дворе хорошая гостиница. Чисто и безопасно. А в других гостиницах – не только обворуют, а еще и придушить могут.

Я затрясся от ужаса и еще раз пожал руку моему новому знакомому.

– Пойдем, я вас провожу.

Когда мы вошли в арку под воротами, с нами столкнулся солидный изящный господин

в цилиндре.

Он перевел взгляд с моего провожатого на меня и с неподдельным ужасом всплеснул руками:

– Боже мой! Боже мой! Послушайте, господин... На одну минутку...

Он схватил меня за руку и отвел в темный угол.

– Извините, что я так... не будучи представленным... Вы, конечно, приезжий? Я это вижу. Скажите – не приглашал ли вас этот человек в его «гостиницу» и не сулил ли он вам разных благ?

– Да... А что?

– Мой долг, долг порядочного человека, предупредить вас: знаете ли вы, что вас хотели затащить в гнуснейший притон и, напоив, обобрать, избить и выбросить. О, я такие сцены наблюдал неоднократно!.. И всегда при участии этого негодяя, который вас поджидает у ворот.

– Господи! – застонал я. – Какой ужас! Кому же после этого верить?..

– Совершенно верно. Для приезжего человека – здесь прямо гибель. Всякая гостиница – клоака...

– Ах! Но что же мне делать?

– Если бы мое предложение не показалось вам назойливым... я пригласил бы вас к себе. У меня семейная квартира... Правда, нет той роскоши, как в гостиницах, но моя жена хорошая хозяйка...

– Я не знаю, – горячо воскликнул я хватая

его руку, – чем и отблагодарить вас за такую любезность к почти незнакомому человеку. Спасибо!

– О, не стоит благодарить, – полу смущенно, полу смеясь, покачал головой мой спаситель. – Интеллигентный человек должен помогать интеллигентному человеку. Это, как масоны... Не правда ли?

Мы зашагали по улице и я, чувствуя искреннюю признательность к этому господину, взял его под руку.

На углу двух улиц к нам приблизился молодой, бледный человек в жокейской шапочке, уперся руками в бока и сказал, обращаясь к моему спутнику:

– Здравствуй, карточный шулер, Арефьев! Здравствуй, мерзавец Арефьев, обыгравший меня в своем притоне. Что я вижу? Ты поймал приезжего и тянешь его на буксире в свою шулерскую компанию, которую ты выдаешь за свое семейство... По-прежнему ли ты, Арефьев, торгуешь своей любовницей, выдавая ее за жену, и по-прежнему ли ловишь доверчивых простачков вроде этого? Ха-ха-ха!

И бледный человек разразился саркастическим хохотом. Мой спаситель выдернул свою руку из моей и принялся улепетывать вдоль по улице, сопровождаемый свистом и улюлюканьем бледного человека.

– Ах, мерзавец... – прошептал он, когда господин в цилиндре скрылся из глаз. – Впрочем, этот город полон негодьями.

Потом бледный господин печально улыб-

нулся.

– Вероятно, – сказал он, вы и меня считаете таким же? О, не протестуйте... Вероятно, около вокзала с вами уже пытались проделать фокус с помощью медных часов или подкидки бумажника? И, вероятно, вас уже заманивали в какие-нибудь притоны? Я вас понимаю: это город мошенников и, поэтому, вы должны бы и ко мне отнестись недоверчиво.

III

Он сел на ступеньки подъезда и, опустив бледную голову, тяжело закашлялся.

– Конечно!.. – сказал он откашлявшись. – Вы вовсе не обязаны верить незнакомому человеку. И у меня нет никаких доказательств в пользу моей порядочности. Но я доволен уж и тем, что вырвал вас из когтей этого негодяя Арефьева! Я не буду приглашать вас ни в гостиницу, ни к себе, но очень прошу вас – не доверяйте и мне! Вы не имеете права доверять мне, неизвестному вам, в городе, где все построено на обмане! Предположим, что я тоже жулик. Но, откровенно говоря, я хотел бы, чтобы вы скорее уехали из этого города!

– Почему? – спросил я.

– Три года тому назад я приехал сюда такой же наивный, доверчивый и простой. Через пять минут я уже был обобран, раздет и вот, с тех пор не могу выбраться из этого города, перебиваясь с хлеба на квас. О, ради Бога, не доверяйте мне! Но все-таки мой вам совет –

проваливайте из этого города.

– Да я приехал, в сущности, по делам...

– Дела?! В этом городе? Изумительно!

– Мне нужно устроить сделку с купцом Семипядевым по покупке оптом ста бочек масла и сговориться с адвокатом Бумажкиным по поводу одного взыскания.

– Что?! Вы... без шуток? Скажу заранее, что они вам сделают: от Семипядева вы, действительно, получите сто бочек масла, но в бочках, вместо масла, будут кирпичи, а Бумажкин – взыскать-то он взыщет, но деньги эти немедленно растратит. Вы их и не понюхаете... Господи! Сколько с ними уже было этих примеров.

– Что же мне делать?

– В память того человека, каким я был три года тому назад – хочу спасти вас. Кажется, ведь, в моем предложении нет подвоха – идите сейчас же на вокзал и немедленно уезжайте.

Слова бледного молодого человека заставили меня призадуматься... Действительно, не лучше ли поскорее убраться из города, где все так входят в положение приезжего, хлопочут о нем – и так конкурируют в этом, что приезжий может через час остаться без сапог.

– Так Семипядев и Бумажкин, действительно, такие? – переспросил я.

– А то какие же. Такие. Что мне за расчет врать вам?

– А вы меня проводите до вокзала?

– Так и быть. Провожу. Если бы вы не по-

думали, что я способен сейчас же убежать с вашим саком – я попросил бы у вас его донести до вокзала, чтобы облегчить вас. Но вы, конечно, должны подумать, что я такой же, как и другие, что я убегу...

В словах бледного человека слышалась затаенная горечь...

Я вспыхнул, смутился, как школьник, пойманный учителем.

– О, что вы! Как можно говорить так... Чтобы доказать, что я этого не думаю – нате, возьмите сак... Хотя мне и неловко затруднять вас...

Бледный человек взял сак, покачал печально головой и вдруг бросился опрометью бежать по пустынной улице, стараясь избежать, как можно скорее, моего растерянного взгляда...

Когда я брал на вокзале билет, кассир обсчитал меня на двугривенный.

Едучи обратно, я задумался о судьбах этого города, который только и можно встретить на святой Руси...

Как кончит этот город? Плохо кончит.

Будет, вероятно, так: чужестранцы перестанут туда ездить, а туземцы украдут друг у друга все, что у них было, сдерут один у другого кожу взятками, поборами и обманом, а потом, когда проживут все это – поумирают с голоду.

Неприятно говорить людям правду в глаза. И меня сначала смущало то, что жители этого города получают книгу с моим рассказом, прочтут – и будут чрезвычайно обижены.

Но потом я успокоился. Наверное, ни одна

**Здание Одесского вокзала,
фотография начала XX века**

**“...Когда я брал на вокзале билет,
кассир обсчитал меня на двугривен-
ный”.**

книга с моим рассказом не дойдет до них, так как будет утащена почтовыми чиновниками на ихней же городской почте.

Записки морского путешественника

Читая еще в детстве о морских путешествиях и приключениях, я хорошо усвоил себе отличительные признаки того сорта людей, который носить с давних времен образную, живописную кличку:

– Старый морской волк.

Когда я впервые сел на пароход, я ни себе, ни окружающим ни на минуту не напомнил одного из этих людей.

Наоборот, мне более всего подходила противоположная кличка:

– Молодой сухопутный медведь.

Если бы мне дали такую кличку, я безропотно снес бы ее, потому что, зная хорошо корабельное и морское дело в теории, я на практике мореплавания совершенно никуда не годился. Стыжусь признаться, но я не знаю даже, где находится та пружина, с помощью которой приводится в действие машина парохода. Этим и объясняется моя исключительная осторожность, с которой я притрагивался к разным металлическим ручкам, каким то блестящим пуговицам и кнопкам, рассеянным по всем закоулкам парохода. Может быть, это были украшения, а, может быть, при нажатии какой-ни-

будь такой штучки пароход сделал бы бешеный скачек и помчался бы слепо – куда глаза глядят. Я не знаю. Бог его знает.

Мне много приходилось слышать о том, что из всех ругателей и богохульников наибольшими ругателями на нашей грешной земле считаются моряки. В этом они виртуозны, изобретательны и терпеливы.

Я наблюдал, как переругиваются моряки и, мне кажется, что они изобрели даже для этого свой особый жаргон, чтобы уши сухопутных людей не были шокированы той отвратительной бранью, которую придется им случайно услышать.

Пароход стоял еще у пристани и нагружал свое брюхо какими то ящиками и бочонками, с помощью лебедки, ловко вертевшей хоботом направо, налево, вверх и вниз. Движениями лебедки управлял один моряк, а около трюма стоял другой, совершенно праздный, и с любопытством заглядывал вниз.

Когда хобот лебедки опустился, праздный моряк пришел почему то в страшное бешенство и заорал во все горло на трудолюбивого моряка у лебедки:

– Вира!!

Тот был, очевидно, страшно оскорблен, но не подал вида, умея владеть собой так, как только умеют моряки. Но ругателю показалось мало этого.

Он выждал минуту и, наконец, собравши всю силу своих легких, бросил прямо в лицо врагу страшное, незабываемое у самолюбивых

морских волков слово:

– Майна!!!!

Лебедка бешено, оглушительно застучала, и я, не будучи в силах вынести сцену поножовщины, которая должна была сейчас произойти, закрыв уши, отбежал на другой конец парохода.

Как они разделались друг с другом – я так и не узнал.

Я стоял у борта, задумавшись, мечтая о том блаженном времени, когда все люди полюбят друг друга, как братья, и прекратят, наконец, свои ужасные ссоры, брань и оскорбления, как вдруг около меня прозвучал сердитый голос:

– Отдай концы!

Я оглянулся.

К кому относилось это требование? Если ко мне, то совесть моя была совершенно чиста: никаких концов я не брал и, вообще, с детства имею привычку, беря какую-нибудь вещь, спрашивать у ее владельца разрешения на это.

Что он называл концами? В ту минуту я стоял, держась руками за перила парохода. Не думаю, чтобы он называл эти перила концами. Я не видел даже их начала.

На всякий случай я отнял руки от перил и спрятал их в карманы.

– Отдай концы!! – проревел тот же голос.

Около меня стоял какой-то господин, делая вид, что он машет кому-то на берегу шляпой.

Я строго обратился к нему:

– Если вы взяли – отдайте. Нехорошо.

– Что отдать? Кому?

– Какие-то концы. Вот, человек требует.

– Провалитесь вы к дьяволу, – нагло засмеялся этот человек.

– Майна! – крикнул я, дрожа от бешенства.

– Майна!

И, боясь насилия, поспешно убежал в каюту.

Очень печально, что у меня нет жены и дочери – девочки, так, лет семи.

Обыкновенно, когда муж уезжает в морское путешествие, жена, в переднике с маленькой девочкой, прижавшейся к ней (так я видел на картинке «Отъезд моряка») стоит на берегу и глазами, полными слез, следит за отъезжающими. Свежий ветер треплет ее платье и хлопает передником, как парусом, девочка плачет, а в голове жены сидит мысль:

– Вернется ли?

В ту же ночь в море разыгрывается обычная буря, и жена моряка прибегает с девочкой на берег, с целью увидеть, в крайнем случае, обломки корабля.

И под ряд несколько дней выходит жена смотреть на далекий морской горизонт: не едет ли муж? Ветер хлопает ее платьем, передник надувается, как пузырь... Тут же стоит и плачет девочка.

Ничего этого я не устроил, хотя очень ценю жизненный комфорт и традиционные морские обычаи. Была у меня мысль нанять для этой цели обыкновенную безработную женщину с девочкой, но, поразмыслив, я решил, что это –

далеко не то...

Едва пароход отошел от берега, как я с головой окунулся в повседневную жизнь моряка: вынул из кармана пару папирос, разломал их, высыпал табак на ладонь и, сунув его в рот, стал усиленно жевать.

Мне случалось читать, что табачная жвачка – любимое лакомство моряка. Моряки жуют, жуют табак, а потом искусно сплевывают слюну. Мне пришлось по душе только вторая часть этого занятия.

Перевесившись за борт, я сплевывал жвачку так усиленно, что забыл обо всем окружающем.

Есть такая пословица:

– Кто на море не бывал, тот горя не видал.
Это верно.

Я люблю моряков, этих взрослых детей, этих добродушных суеверных морских волков.

Люблю их трогательные, суеверные обычаи, которые переходят от одного поколения к другому.

Больше всего мне нравится и забавляет меня странный, почти дикарский, обычай, начало которого теряется в глубине прошлых веков.

Называется он:

– Выкинуть флаг.

Моряки верят в существование какого-то морского бога и, от времени до времени, с целью умилостивить его, выкидывают в море флаг.

Я сам, своими ушами, слышал, как один

человек спросил другого, рассматривавшего в бинокль проходившее мимо судно:

– Какой флаг они выкинули?

– Господи! – возразил я. – Будто бы это так важно. Всякая жертва от чистого сердца угодна Богу.

На некоторых судах, кроме того, еще бьют склянки.

Берется несколько склянок от лекарств и разбивается. Некоторые суда бьют даже до восьми склянок.

К сожалению, мне до сих пор не удалось выяснить значения этого бесцельного традиционного обычая, ясно показывающего, что суеверие может уживаться рядом с громадными машинами, электричеством и двенадцатидюймовыми орудиями.

Я сидел на палубе и читал газету.

Мимо меня прошли, пошатываясь, два господина, два типичных алкоголика со слабыми ногами и развинченными неуверенными движениями.

Я улыбнулся про себя и подумал:

– Нализались, голубчики. Бросает вас из стороны в сторону, точно на пароходе во время качки. Эх, ты! Русский народ...

За ними прошла какая-то девица, шатаясь и держась за стенки каюты.

Я не мог найти в себе силы улыбнуться. Сердце мое сжалось...

– Негодяи! Пили бы сами... Но зачем спаивать это несчастное, юное существо.

Скоро я уже перестал улыбаться, удивляться и возмущаться: мимо меня дефилировала целая процессия алкоголиков, молодых, стариков, детей, с потухшими глазами и деревянными, независевшими от их воли движениями.

Это было страшное зрелище. На одну минуту мне пришла в голову мысль, что пассажиры взбунтовались, убили капитана, разбили бочки с водкой и перепились.

С целью выяснить положение я встал, сделал шаг и, шатаясь, упал на плечи маленькому господину.

– О, черт возьми! – испуганно пролепетал я. – Что это такое?

Маленький человек поднял измученное, бледное лицо и судорожно прошептал:

– Кач...

И стремглав бросился к перилам борта. Перегнулся так низко, будто бы хотел разглядеть устрицу, прилепившуюся к килю корабля, и стоял так минуты три.

Потом поднял голову, обернулся ко мне, смертельно белый, и закончил:

– ...ка!

– Ага! – подумал я. – Знаменитая морская качка, о которой я столько слышал.

Меня обрадовало, что я переносил ее совершенно спокойно.

Недалеко от меня стоял, опершись на борт, хладнокровный человек, и равнодушно посматривал на волны, кипевшие внизу.

– Вы вероятно, моряк? – спросил я его.

– Вероятно.

Мне давно хотелось потолковать с настоящим моряком тем самым языком, который у них в таком ходу.

Я облокотился рядом с ним на перила и спросил:

– Каким мы сейчас едем румбом? Я видел ясно, что он изумился, найдя во мне человека своей специальности.

– Каким румбом? Темно-зеленым!! Я кивнул с довольным видом, головой.

– Ага! А траверсы уже спущены на форштень?

Самое искреннее изумление отпечатлелось на его лице. Никогда, вероятно, он не мог предположить, чтобы я, человек сухопутного вида, так хорошо знал все эти замысловатые вещи.

– Не знаете ли вы, – внутренне торжествуя, продолжал я, – сколько кубических тонн имеет наш пакетбот? Так как начинает дуть сильный вымпел, то я очень опасаясь за ватерлинию... Как бы ее не сломало. Не лучше ли скрепить ее парой-другой морских узлов в час.

– Пожалуй, это будет самое лучшее, – согласился он, весело улыбаясь. – Я никогда бы не подумал об этом.

– Э, пустяки! – махнул я рукой. – Пока вымпел не перешел в брейд-вымпел и дует с норд-оста – мы успеем сделать это.

Я обернулся назад и закричал зычным голосом:

– Все на вахту! Рулевые к бакборту! Перенести бакборт на штирборт!! Жива-а-а!

Я одушевился.

В глазах моего моряка мелькнуло что-то, похожее на легкий испуг. Я полагаю, он почувствовал во мне опасного конкурента в морском деле.

– Успокойтесь, – с вымученной ласковостью сказал он, кладя свою руку на мою. – Все будет сделано, как вы сказали. Я распоряжусь. Вы пошли бы лучше спать. Если выпел усилится и будет дуть с кормы, я разбужу вас.

Я взял с него слово, что он сделает это и, успокоенный, побрел вниз, с целью лечь в дрейф (дрейфом называется койка в каюте, привинченная к стене).

Утром мы уже подходили к Севастополю.

Втайне я был сильно польщен, когда моряк, которому я отдавал вечером морские приказания, окруженный большой толпой, указал на меня пальцем и с каким-то суеверным страхом прошептал:

– Вот он! Тот самый, о котором я говорил!!

Толпа расступилась передо мной, а я усмехнулся и обратился к помощнику капитана:

– Видите! Оказывается, можно обойтись без выбрасывания флагов и битья склянок!

Потом обвел толпу взглядом и нравоучительно добавил:

– Нужно быть более экономными и менее суеверными!

Так началась моя морская карьера...

Содержание

Одесса	7
Одесское дело	19
Костя Зиберов	29
Один город	42
Записки морского путешественника	53

Літературно-художнє видання
Аверченко Аркадій Тимофєевич

Одеські оповідання

Збірник оповідань

Відповідальний за видання *Геннадій Групп*

Техредакція и верстка *Геннадій Групп*

Здано в набір 22.07.2002

Підписано до друку 30.07.2002

Формат 60x84 1/32

Бумага типографська

Гарнітура "Arial"

Друк – ризограф

обл-вид. арк. 1,7

Тираж 200 екз.

Видруковано фірмою "Інга"

власними силами